

ВРЕМЯ И МЫ 36 1978

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

- ПРОЗА СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА
- ЛИБЕРАЛИЗМ, ХРИСТИАНСТВО И ЕВРЕИ
- МЫСЛИ О СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ
- ДВА ЛИЦА ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО
- РУССКИЙ АВАНГАРД

ВЕРНИСАЖ "ВРЕМЯ И МЫ"

Комар и Меламид
ТРИ МИРОВЫХ ЛИДЕРА...

ВРЕМЯ И МЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ

Четвертый год издания

Выходит один раз в месяц

36
1978

ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ"

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ФАИНА БААЗОВА
ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА
ЕГОШУА А. ГИЛЬБОА
ИЛЬЯ ГОЛЬДЕНФЕЛЬД
МИХАИЛ КАЛИК
ГАЛИНА КЕЛЛЕРМАН

ЛЕВ ЛАРСКИЙ
ДМИТРИЙ СЕГАЛ
ЙОСЕФ ТЕКОА
ДОРА ШТУРМАН
ААРОН ЯАРИВ

Зав. редакцией Марина ГОЛУБЕВА

Представители журнала:

Англия	Александр Штрмас Croft House, Top Flat 32 New Hey Road Rastrick, Brighouse W. Yorkshire HD6 3PZ ENGLAND.
Западный Берлин	Лотар Ролл Buschkrugallee 98. 1000 Berlin 47. t. 606-77-61
Канада	Юрий Лурьи 305 Robson Hall Winnipeg, Manitoba Canada R3t 2N2 t. (204) 474-9773
США	Эдуард Штейн 7 Miles Ave, Woodbridge, Conn. 06525 t. (203) 387-05-97 USA
Франция	Ричард Кернер 24, rue Lecluse, 75017 Paris 17e, t. 292-12-61
ФРГ	Арий Вернер Postfach 50 1968 5000 KoeIn, 50 West Germany

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Виктор ПЕРЕЛЬМАН

Двое и одна 5

Сергей ДОВЛАТОВ

Ищу человека 83

ПОЭЗИЯ

Анри ВОЛОХОНСКИЙ

Одно око. 101

Е.Ф. САБУРОВ

Беспамятные наши души. 104

Илья БОКШТЕЙН

Из причинности в чудо войдя 109

ПУБЛИЦИСТИКА, ФИЛОСОФИЯ, КРИТИКА

Арье ТАРТАКОВЕР

Либерализм, христианство и евреи 117

Дора ШТУРМАН

Хаос вместо демократии. 127

Петр ВАЙЛЬ, Александр ГЕНИС

Шампанское и политура 134

Наталья АГРОСКИН

Русский авангард 143

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Михаил ДЕМИН

Таежный бродяга 154

ВЕРНИСАЖ "ВРЕМЯ И МЫ"	
"Художник и общество".	200
ИЗ ПОЧТЫ РЕДАКЦИИ	
<i>Сай ФРУМКИН</i>	
Не хочу быть хранителем Катастрофы.	210
Коротко об авторах	215
"Время и мы" — 1978 год	216

Мнения, выражаемые авторами, не обязательно совпадают с мнением редакции.

*Петр ВАЙЛЬ,
Александр ГЕНИС*

ШАМПАНСКОЕ И ПОЛИТУРА

О песне Владимира Высоцкого

Что за дом притих,
Погружен во мрак,
На семи лихих продувных ветрах.
Всеми окнами обретаясь в овраг,
А воротами на проезжий тракт...
В дом заходишь, как все равно в кабак,
А народишко — каждый третий враг.
Своротят скулу — гость непрошенный —
Образа в углу и те перекошены...

Мрачная картина. Свой посконно-домотканый Дом Эше-ров. Но нет здесь загадочных призраков, упырей и русалок. Все здесь по-нашему, узнаваемо будничному. И "народишко" — знакомый, свой:

Траву кушаем, век на щавеле,
Скисли душами, опрыщавели,
Да еще вином много тешились,
Разоряли дом, дрались, вешались...

Нет здесь недомолвок, намеков, экивоков. Вот она, Россия-матушка. Докатились.

Горькая, честно увиденная картина. Это — песня "Дом" Владимира Высоцкого, кино- и театрального актера, поэта-барда, певца, кумира. Россия, увиденная русским, своим.

Во всем русскоязычном, но многонациональном советском искусстве трудно найти человека с более "русской" душой, чем Высоцкий. На всем, что он делает (хоть и Гамлета в театре), стоит клеймо *made in Russia*. И как-то непонятно: хорошо или плохо — этот гипертрофированный, обнаженный и болезненный, как заусеница, "русизм" Высоцкого. Но понятно одно: Высоцкий — явление характернейшее. Мода на него приходила уже раз пять и ни разу не уходила.

Высоцкий — это по-настоящему народное искусство в том смысле, что оно идет из глубины национального самосознания, и все, что он творит, растворяется в стране, как свое, родное, от сохи.

Высоцкий как-то сразу нащупал свою тему: русский человек. Кто он, и что из него сделала советская власть. Не теорией, а нутром он нашел те бесчисленные черточки, которые делают человека русским. Он сам такой. Ему и к бабке не ходи — посмотреть лишь в зеркало. И он лепит в сотнях песен русский характер. Вот он — русский на тройке, что любит быструю езду. И несут хрестоматийные кони, привередливые кони-сани, а в них сидит ездок, которому на все наплевать, лишь бы скорее несли и чтоб пороша в глаза... Русский этот легко узнаваем. И пришел он, пожалуй, не из Мокрого "Братьев Карамазовых", а из Сибири "Угрюм-реки" и "Мой костер в тумане светит" Полонского. Есть в нем купеческая удалость ресторана "Славянский базар". Но главная его черта не выдуманна и не списана. Он искренен. Правдив и в высоком, и в низком. Он всегда готов раскрыть душу постороннему, готов на все плюнуть, все святое растоптать, а потом на него молиться. Образ выходит гротескный, карикатурный, но емкий, а главное — правдивый. Похоже. И ревет хриплый голос, рвутся струны, вибрирует в унисон душа, и повторяешь такое понятное и такое бессмысленное:

На горе стоит ольха, под горою вишня.

Полюбил девчонку я — она замуж вышла.

Все здесь по-настоящему: лирика не прячется за иронию и подтекст. Прямым из поэтики блатной песни пришли темы любви, дружбы, смелости. "Если друг оказался вдруг...", "Эта ночь для меня вне закона", "Мерцал закат, как блеск клинка".

Чувства нараспашку.

И есть в этой приподнятой откровенности огромные запасы соучастия, сотворчества — так вкусно поется Высоцкий под рюмку. Так понятны и близки его настроения. Видимо, это и есть тот самый эмоциональный контакт.

Но вернемся к нашему русскому.

— А у тебя, ей-Богу, Вань,
Ну все друзья — такая рвань,
И пьют всегда в такую рань
Такую дрянь.
— Мои друзья хоть не в "болонии".
Зато не тащут из семьи.
А гадость пьют из экономии —
Хоть поутру, да на свои.

("Диалог")

Сосед орет, что он народ,
Что основной закон блюдет,
Что кто не ест, тот и не пьет,
И выпил кстати...

("Смотрины")

...Будет Пашка приставать —
С ним, как с предателем,
С агрономом не гуляй —
Ноги выдерну...
Можешь раза два пройтись с председателем.

("Письмо с выставки")

Кто это? Неужели тот же русский, что "сыт по горло, до подбородка", который "взял да уехал в Магадан"? Господи, до чего мерзкая харя высовывается из-за карамазовского плеча. Алкаш, который блюдет основной закон, мразь, нечисть. И это тоже русский. Только изгаженный и опошленный низостью советского быта. Идеологический недоумок, перешедший из "Яра" в пивную. Жуткая, непролазная жизнь, и

ее герой — из тех, что "вином много тешился". Высоцкий чутко улавливает все мелкие, так незаметные постороннему детали нашей жизни. Он ее знает до последней черточки. И образ его русского двойственен, как герой песни:

Могу одновременно грызть стаканы

И Шиллера читать без словаря.

Вот тот настоящий конфликт, который должен питать его творчество и часто делает его песни настоящими стихами — Россия и СССР. Русский и советский. Шампанское и политура.

И есть еще одна ипостась Высоцкого — это "натуральная школа" — то есть меткий фельетон, зарисовка — остроумная и точная.

Товарищи ученые, доценты с кандидатами,

Замучились вы с иксами, запутались в нулях,

Сидите, разлагаете молекулы на атомы,

Забыв, что разлагается картофель на полях.

Это про каждоосеннюю страдную пору в НИИ и университетах, а есть про загранпоездки, про ГУМ, про магазины-торгсины, про что угодно. Жанр настоящего фельетона — этакая развернутая до баллады частушка — нашел своего мастера в Высоцком. В стране, где анекдот выполняет функции газеты, трудно придумать лучший вид комментария происходящих событий, чем неподвластная цензуре песня. Высоцкий, как акын: что видит, про то и поет. И уж не его вина, что поет он только про плохое.

* * *

После всего сказанного можно, вроде бы, взять да и подумать, что Высоцкий — бард-философ и публицист. Отчасти это так, но его многогранное творчество этим далеко не исчерпывается. Высоцкий еще и поборник жанра, создавший несколько сотен высокохудожественных, не очень высокохудожественных и совсем не высокохудожественных песен. Понятно, что на одной философии и публицистике тут не уедешь — тут надо быть приверженцем песенной поэзии как таковой, искусства ради искусства. Песня, стих — стремятся отрешиться

от собственных слов и смысла, вырываясь в сферу чистого жанра, здесь уж не допуская никакой градации — здесь все высокохудожественно.

Это — результат того самого эффекта сотворчества "под рюмку" и святой веры в крамольность Высоцкого, в которую, кажется, свято поверил и он сам. Высоцкий, хрипя и рвя струны, изобрел небольшой, но очень производительный печатный станочек для выделки самых подлинных ассигнаций. Но как-то забылся — ручка вертится легко, педаль не тугая, мотор поет — и ненароком наводнил рынок. Началась инфляция. Который Высоцкий, сделанный добротнo, а который штамповка в штурмовщину? А разве важно? Теперь уже — разве важно? Ведь стоит клеймо, и как джинсы фирмы "Ли" — где ни сшей — все расхватываются. Далеко не все свои песни Высоцкий пишет — многие подписывает, сперва составив рядом рифмованные строчки, редкостные по чистоте жанра — ни тебе сюжета, ни фабулы, ни даже смысла. Получается совсем нечто, не терпящее обсуждения в терминах не своей системы. А терминов нет, да и систему-то как назвать — "песня Высоцкого", "высоцкопесня"?

И вот поют во всех компаниях бескрайней родины не "Дом", скорее, а "Жираф большой", не "Кони привередливые", а "Про бегуна на короткие дистанции" — потому проще. Мотив незатейливее, строчки короче, а смысл крамольный найдется — ведь Высоцкий же, "высоцкопесня"!

"И думал Будкеев, мне ребра круша: "И жить хорошо, и жизнь хороша". (Намекает: мол, все-таки у нас каждый друг, товарищ и брат). "Бить человека по лицу я с детства не могу". (Зло, да и направлено точно против). "А он все бьет, здоровый черт, ему бы в МВД". (Ну, это уж из рук вон, куда уж прямее). "Лежал он и думал, что жизнь хороша, кому хороша, а кому ни шиша". (Концовочка-то того, не без смысла, ловко это он повел).

Необходимая часть функционального соавторства — чтение между строк — оборачивается бессмысленными поисками запретного там, где его нет. А Высоцкий все намекает, все нагнетает и с такой, бывало, мощью, такой пушечной-по-

воробьям силой что-нибудь эдакое особо пустяковое загнет, что, содрогнувшись и стряхнув мурашки, задумаешься: "А вдруг, а может?.." Нет, может, но не хочет.

Кто не помнит знаменитую песню:

А у дельфина взрезано брюхо винтом.

Выстрела в спину не ожидает никто.

.....
Но парус, порвали парус.

Каюсь, каюсь, каюсь.

.....
Даже в дозоре можешь не встретить врага.

Это не горе, если болит нога.

Петли дверные многим скрипят, многим поют.

Кто вы такие? Вас здесь не ждут.

("Парус")

Может, еще десяток наберется из бесчисленных песен Высоцкого, которые он поет с такой страстью и значительностью. Да и в самом деле, в тексте целый ряд верных утверждений, метких замечаний. И вправду, в дозоре не всякий день попадает враг. И нога болит по-всякому, и петли к кому как относятся. Но их здесь не ждут. В песне. По крайней мере, в таком наборе.

Раздается по Советскому Союзу намекающий рев вместо смысла, и слабеют колени у школьников, и напиваются студенты и учащиеся профтехучилищ, и переглядываются доктора наук. А Высоцкий спекулирует на Высоцком.

Надо сказать, особенно в этом отношении досталось от него спортивной тематике: тут и хоккеисты, и прыгун в высоту, и бегуны на разные дистанции, и боксер. Это и понятно — видимо, дело отчасти в активно-наступательной лексике спортивных терминов, а кроме того, любой соревновательный момент (особенно когда бьют по морде) дает широкие возможности для домысла.

Высоцкого поют. Поют так, как не пели никогда и никого в России. Авторам пришлось в свое время служить в пожарной команде. Наши коллеги стихов не читали (почему, видимо, и с брандспойтами управлялись лучше нашего) и даже говорили по-русски плохо. Но Высоцкого знали. Не все по

имени, но хоть строчки из песен — все. А с другой стороны, было уже отмечено, что в какой еще стране найдешь компанию физиков-академиков, поющих, скажем: "Не помогли мне ни Верка, ни водка. С водки похмелье, а с Верки, что взять..." Поют нежные девочки, стараясь хрипеть, поют семиклассники за первой бутылкой портвейна, поют студенческие отряды, стервенея от сухого закона, поют в кино с экрана, поют магнитофонные ленты, необходимые в доме всякого интеллигентного человека.

Да не так это сложно, и не то, чтобы запрещено. Киноактер Владимир Высоцкий снялся в двух десятках советских фильмов и в каждом пел. Актер Театра на Таганке Владимир Высоцкий больше десяти лет играет на сцене. Бард Владимир Высоцкий записал с полдюжины пластинок — вплоть до партии Попугая из "Алисы в Стране чудес". Короче говоря, Высоцкий — отнюдь не Галич. При всем запрете на Высоцкого Высоцкий не запрещен. Не разрешен, но и не запрещен.

Популярна не только песня, но и ее создатель. Высоцкий — это не только автор, но и герой. Этот образ составляет целый комплекс понятий: модель поведения, *modus vivendi*. По Высоцкому можно жить. Любить. Дружить. И даже противостоять властям. Комплекс "Высоцкий" учитывает особенности многообразной советской жизни — это нечто среднее между комплексом ГТО и комплексом неполноценности. Сильный и благородный человек-хищник, искренний и истеричный в дружбе и ненависти, первый любовник и первый герой, Высоцкий всегда играет "Высоцкого".

Итак, он — образец для подражания. А в качестве такового перестал быть явлением индивидуальным и стал явлением социальным.

* * *

Многое привлекательно в песнях Высоцкого. Скажем, блатная стилизация, щекочущая нервы антизаконностью и

дающая выход вечной тяге русского человека к хмельному угару малины, к разухабистой неприкаянности.

Множество песен-фельетонов слушают потому же, почему их так охотно читают в газете: всегда приятно узнать, что кто-то проворовался. А главное — это приносит успокоение: есть, конечно, кое-где кое-какие отдельные недостатки, сравнительно легко устранимые. И Высоцкий охотно идет на низведение серьезного конфликта до легкой насмешки. Не всегда, разумеется, но вот, например, его песня о Мишке Шихмане, которого не выпустили в Израиль — здесь так. Потому что держаться на таком уровне обобщения, как в "Доме", не под силу автору, да, наверное, не нужно и слушателю. Так — похихикали, головами покачали, да и пошли наутро созидать сами знаем что.

Псевдопротест привлекателен всегда, ибо облегчает жизнь, давая необходимый выхлоп отрицательных эмоций, и в то же время не обязывая ни к серьезному размышлению, ни, тем более, к действию. А особенно, псевдопротест, поданный в добротной упаковке — и потому так споро расходится ширпотребный Высоцкий, что пилюля-то подслащена; прививка проходит безболезненно, и служба социальной профилактики держит марку.

В контексте Высоцкого такого — для массового употребления — почти непонятен Высоцкий страшных деревенских "Смотрин", страшного городского "Диалога", страшного всесоюзного "Дома". То есть, не хочется понимать и принимать, что и эти песни, и про взрезанного дельфина Будкеева написал один и тот же Высоцкий. Потому что, отбросив анализ особенностей, мотивов и тенденций, надо оставить лишь одно: "Ведь может же!" Потому что Владимир Высоцкий может написать:

**Кто ответит мне, что за дом такой?
Почему во тьме, как барак чумной,
Свет лампад погас, воздух вылился,
Али жить у вас разучились?**

**Двери настежь у вас, а душа взаперти.
Кто хозяином здесь — напоил бы вином!
А в ответ мне: видать, долго был ты в пути
И людей позабыл — мы давно так живем...**

Потому что в лучших песнях Высоцкого — подлинное гражданское отчаяние, глубина понимания России и любви к ней.

"ВРЕМЯ И МЫ" - 1978 год

УКАЗАТЕЛЬ

ОСНОВНЫХ

ПРОИЗВЕДЕНИЙ

номера
журналов

П р о з а

Алексеев В.	Смерть на заводе	34
Варламова И.	Мнимая жизнь	31,32,33
Галич А.	Блошиный рынок	25
Гиршович Л.	Мальчики и девочки	28
Гиршович Л.	Ишаягу	34
Дар Д.	Последняя любовь. Часовня в огне	27
Довлатов С.	Невидимая книга	25
Довлатов С.	Купцов и другие	28
Довлатов С.	Ищу человека	36
Кандель Ф.	Два рассказа	29
Львов А.	Собеседование	32
Львов А.	Золотая кровать	33
Меламид Л.	Ностальгическая баллада	30
Моргулис М.	Три рассказа	28
Моргулис М.	Уйти в дождь	30
Наврозов Л.	Воспитание Левы Наврозова	31
Нечаев В.	Одиноким сдается угол	26
Перельман В.	Банка Джорджес	30
Перельман В.	Двое и одна	36
Рыбаков В.	Мост Александра Ш	26
Рыбаков В.	Враг	35
Суконик А.	Умные и глупые	29
Цветков Е.	Паук-телепат	29
Чирсков Ф.	Андромер	27
Шифферс Е.	Давай, Акимушкин, давай!	26
Штерн Л.	"Двенадцать Коллегий"	34,35
Шульман С.	Тупиковая ситуация. Башня смерти	27

П о э з и я

Аз.	Баллады для Майи	29
Айзенберг М.	На снегу, у кочующих стен	35
Бокштейн И.	Мимика склепа	33
Бокштейн И.	Из причинности в чудо войдя	36
Бурихин И.	В суровую зиму я пробовал жить	26
Владимирова Л.	Пора предчувствий	26
Владимирова Л.	Будто на пороге перемен	31

Волохонский А.	Одно око	36
Гарик И.	Родившись в сумрачное время	29
Гарик И.	Не бойся, не надейся, не проси	31
Глазова М.	Безутешные воды вешние	30
Горбунова А.	Плыви, моя лодка	25
Губанов Л.	Победителей не судят	26
Жем Е.	Мысли плавают по дивану	33
Жигалов А.	Зеркальная мозаика	32
Иоффе Л.	Третий город	27
Карабчиевский Ю.	Грохот века	33
Крепе М.	Повороты пространства	29
Куприянов Б.	Горячий смех обугленного слова	28
Ливанов М.	Россия, где твои мыслители?	25
Мандельштам Р.	Зоревые каравеллы	27
Охапкин О.	В бронзовом нашем веке	30
Охапкин О.	Твоя во тьме защита	34
Сабуров Е.	Чувство города и дня	35
Сабуров Е.	Беспамятные наши души	36
Сапгир Г.	Сквозь боль и бред	32
Степанов И.	Майданек или Магадан	28
Филановская Т.	Мой дождь и я	34
Цветков А.	В этом Риме я не был Катонем	30

Публицистика, философия, критика

Агроскин Н.	Русский авангард	36
Бирман И.	Советский режим: прогнозы и реальность	29
Вайль П., Генис А.	На аврале	31
Вайль П., Генис А.	Шампанское и политура	36
Вишняк В.	Несговорщик с антикультурой	31
Генис А., Вайль П.	На аврале	31
Генис А., Вайль П.	Шампанское и политура	36
Гусаров В.	В защиту Фаддея Булгарина	29
Домальский И.	Технология ненависти	25, 26
Иошуа А.	Боль писателя (В переводе Д. Мазина)	28
Кестлер А.	Иуда на перепутье (В переводе М. Ледера)	33
Клепикова Е.	Пролог к действию	32
Клепикова Е.	У погоста русской деревни	35
Коган Э.	Происхождение предателя	25
Копелев Л.	От рода к человечеству	32
Мнацаканова Е.	Искусство и предрассудки	27
Нилов Г.	Из-под глыб — в небеса	35
Парамонов Б.	Орвелл: пророчество-репортаж	26
Прат Н.	Если только за себя	31
Прат Н.	Безумцы в безумном мире	34

Пятигорский А.	Пастернак и доктор Живаго	25
Соловьев В.	Кумир нации, или золотая арфа	28
Соловьев В.	Василий Шукшин: мания правдоискательства.	34
Тартаковер А.	Либерализм, христианство и евреи (В переводе С. Цирульникова)	36
Флейшхауэр И.	Двойная лояльность	30
Цветков Э.	Хранитель Древностей	30
Цирульников С.	Истоки кризиса	32
Штурман Д.	Минаевщина	27
Штурман Д.	"Этот самый человечный человек..."	28
Штурман Д.	Любовь без взаимности	30
Штурман Д.	Победа и крушение Ленина	32,33
Штурман Д.	Хаос вместо демократии	36
Эткинд Е.	Советский писатель и смерть	26
Эткинд Е.	Леонид Брежнев как писатель	30
Якобсон А.	Фрагменты из Марголина	29

День сегодняшний

Прат Н.	Час выбора	27
Цирульников С.	На повороте истории	34
Цирульников С.	Государство Израиль вместо сионизма	35

Круглый стол редакции

Кого защищает "Международная Амнистия"?	29
Спор о Иване Ефремове	33

Наши публикации

Письма Максимилиана Волошина	27,28
Стихи Введенского	29

Из прошлого и настоящего

Баазова Ф.	Дело Рокотова	25,26
Баазова Ф.	Танки против детей	30
Демин М.	Блатной	27,28
Демин М.	Таежный бродяга	35,36
Ларский Л.	"Здравствуй, страна героев!"	29,30,31,32,33.
Хенчинский М.	Кслецкан трагедия. Загадка одного погрома	26
Штурман Д.	Моя школа	34

ANDREI SEDYCH
Editor in Chief

LAWRENCE WEINBERG
Business Manager

Novoye Russkoye Slovo

Oldest Russian Daily — Established 1910

243 WEST 56th STREET
NEW YORK, N. Y. 10019

Tel. 265-5500

SUBSCRIPTION RATES

EFFECTIVE DATE OCTOBER 1, 1978.

MAIL SUBSCRIPTION IN U.S.A. & CANADA

	1 year	6 ms	3 ms	1m
Weekday & Sunday	\$60.00	\$33.00	\$20.00	\$7.00
Sunday only	\$25.00	\$15.00		

MAIL SUBSCRIPTION FOR FOREIGN COUNTRIES

ACCEPTED ONLY FOR:

	1 year	6 ms
Weekday & Sunday	\$70.00	\$38.00
Sunday only	\$30.00	\$17.00

CHANGE OF ADDRESS — \$1.00

Please send payment together with your order.
Make check payable to the Novoye Russkoye Slovo.

MAIL SUBSCRIPTION for FOREIGN COUNTRIES:

TO EUROPE AND LATIN AMERICA:

1 year — Weekday & Sunday — \$150.00, 6 ms — \$90.00,
Sunday only — for 1 year — \$75.00, 6 ms — \$40.00.

TO ASIA, AFRICA & AUSTRALIA:

1 year — Weekday & Sunday — \$180.00, 6 ms — \$100.00,
Sunday only — for 1 year — \$85.00, 6 ms — \$45.00.

О ПОДПИСКЕ НА 1979 ГОД

С 25 октября 1978 года объявлена подписка на журнал "Время и мы" на новый 1979 год. Основываясь на том, что инфляция в 1979 году составит 45-50% и учитывая не только существующий, но и ожидаемый до конца 1979 года рост типографских, редакционно-издательских и почтовых расходов, принято решение установить на предстоящий 1979 год следующие подписные цены:

Полугодовая подписка (6 номеров) — 384 лиры. Возможна уплата в виде двух чеков, причем первый чек должен быть подписан на текущий месяц, а второй — на последующий (не позднее января).

Годовая подписка (12 номеров) — 684 лиры. Возможна уплата в виде четырех чеков. Первый — на текущий месяц, три остальных — на три последующих (последний — не позднее февраля).

В указанные выше цены входят все расходы по доставке журнала, а также отчисляемый редакцией в бюджет государства двенадцатипроцентный налог на дополнительную стоимость.

За рубежом устанавливаются следующие подписные цены:

В США и КАНАДЕ: на 6 месяцев — 24\$, на 12мес. — 48\$. (авиапочта — 96).

ВО ФРАНЦИИ: на 6 месяцев — 99 F.FR., на 12 мес. — 198F.FR. (авиапочта — 350).

В ГЕРМАНИИ: на 6 месяцев — DM 46 (авиапочта — 88) на 12 месяцев — DM 92 (авиапочта — 176).

Стоимость подписки установлена с учетом того обстоятельства, что "Время и мы" будет и в дальнейшем выпускаться как иллюстрированный литературно-публицистический журнал, выходящий каждый месяц, единственный журнал такого рода издаваемый на Западе.

Для своевременной бесперебойной доставки первых номеров журнала за 1979 год редакция просит оформить подписку до 20 декабря 1978 года.

Чтобы подписаться на журнал необходимо выслать заказ и приложить к нему соответствующие чеки — по адресу: П.Я. 24123 Тель-Авив или ул. Нахмани 62/9, Тель-Авив.

Подписной купон см. в конце журнала.

Объявляя подписку на 1979 год, редакция считает необходимым подчеркнуть, что введение новых цен в условиях существующего числа подписчиков и отсутствия субсидии со стороны государства является единственно возможной мерой для продолжения существования журнала. Со своей стороны мы сделаем все необходимое для того, чтобы еще выше поднять уровень журнала и сделать еще более интересным для читателя наше издание.

"ВРЕМЯ И МЫ" — 1979 год

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ В ИЗРАИЛЕ:

Сроком на 6 месяцев — 384 лиры
на 12 месяцев — 684 лиры

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ ЗА РУБЕЖОМ:

В США И КАНАДЕ

сроком на 6 месяцев — \$ 24
на 12 месяцев — \$ 48, авиапочта — 96

ВО ФРАНЦИИ

сроком на 6 месяцев — F.FR. 99
на 12 месяцев — F.FR. 198, авиапочта — 350

В ГЕРМАНИИ

сроком на 6 месяцев — DM 46
на 12 месяцев — DM 92, авиапочта — 176

бланк для ПОДПИСКИ на 1979 год на обороте

"ВРЕМЯ И МЫ" - 1979 год

ПОДПИСКА В ИЗРАИЛЕ НА 1979 ГОД

Сроком на 6 месяцев
на 12 месяцев

Журнал высылать с номера.....

Журнал высылать по адресу:.....

Приложен чек.....

Подпись..... Дата.....

* Чек выписывается на имя журнала "Время и мы" —
можно по русски — и высылается по адресу:

P.O.B. 24123, Tel-Aviv или **62/9 Nachmani St., Tel-Aviv**

ПОДПИСКА ЗА ГРАНИЦЕЙ НА 1979 ГОД

Авиапочтой

сроком на 6 месяцев

Обыкновенной почтой

на 12 месяцев

Журнал высылать с номера.....

Журнал высылать по адресу:.....

Приложен чек.....

Подпись..... Дата.....

* Чек выписывается на имя журнала "Время и мы" — мож-
но по-русски — и высылается по адресу: **P.O.B. 24123,**

Tel-Aviv, Israel или **62/9 Nachmani St., Tel-Aviv**

В этом месяце у вас
окажутся дополнительные деньги
государственные займы
«Брейра» погашаются

ПРЕВРАТИТЕ ПОЛУЧЕННЫЕ ДЕНЬГИ В ХОРОШИЕ ДЕНЬГИ

Залишитесь в одну из программ:

«Коах хай кифлаим»

Одноразовый взнос

Немедленный бонус в размере 10%
Проценты и прикрепление к индексу
цен основной суммы и бонуса
Все это не облагается налогами

Ежемесячные взносы

Немедленный бонус в размере 5%
Проценты и прикрепление к индексу
цен основной суммы и бонуса
Все это не облагается налогами

**«Коах Брейра
долларит»**

Одноразовый взнос

Немедленный бонус в размере 6%
Проценты и прикрепление к индексу
цен основной суммы и бонуса
Все это не облагается налогами

Ежемесячные взносы

Немедленный бонус в размере 3%
Проценты и прикрепление к индексу
цен основной суммы и бонуса
Все это не облагается налогами
В обоих случаях — прикрепление
к индексу цен или курсу доллара —
в зависимости от того, что более выгодно.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ — ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ БАНКА «ЛЕУМИ»,
БАНКА «ИГУД» И БАНКА «АРАВИ-ИСРАЭЛИ».

BANK LEUMI
LE-ISRAEL B.M.

Отвергнутые рукописи не возвращаются, и по поводу них редакция в переписку не вступает.

Издательство "Время и мы", Тель-Авив, ул. Нахмани, 62/9
п.я. 24123, Тель-Авив, 621085.
62/9 Nachmanist. Т.-А. Tel. 621085.

Типография "Дерби". Улица Амавдиль, 6. Т.—А.

ОСР и вычитка — Давид Титиевский, апрель 2010 г.
Библиотека Александра Белоусенко

На четвертой странице обложки — Аврахам Натон "Рыбаки"
Масло на холсте.

Фото, опубликованные на первой и четвертой страницах обложки, а также в разделе "Вернисаж "Время и мы" взяты из альбома "Художник и общество 1948—1978" (Тель-Авивский музей).